

РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРЕАЛЬНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

А.В. Павловская

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ СТУДЕНЧЕСКОГО БЫТА В МГУ (XVIII–XIX ВВ.)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; annapavl@mail.ru

Аннотация. История Московского университета достаточно детально и всесторонне изучена за 270 лет его существования. Одним из аспектов, обойденным вниманием исследователей, является бытовая сторона существования университета, в том числе связанная с проблемами питания. Вместе с тем она занимает важное место в университетском мире, и имеет не только естественно физиологическое, но и большое культурообразующее значение. Достаточно вспомнить прекрасную традицию изготовления и раздачи медовухи, которая стала своего рода символом обновленного университета нового времени. Или образ вечно голодного студента, являющийся неотъемлемой частью русской культуры XIX века. Существуют многочисленные источники, важнейшими из которых, пожалуй, являются мемуары и воспоминания бывших учеников университета, дающие довольно яркую и разнообразную картину повседневной жизни и быта московского студенчества, причем довольно отчетливо прослеживаются как общие тенденции, объединяющие различные эпохи, так и различия, обусловленные ходом истории. Они позволяют с большой степенью достоверности изложить особенности культуры повседневности студенчества, в том числе и в вопросах питания. В статье рассматриваются предложения М.В. Ломоносова по организации питания студентов, особенности повседневной жизни казеннокоштных студентов, находившихся до середины XIX века на полном государственном обеспечении, проблемы своекоштных, живущих и обеспечивающих себя питанием самостоятельно, а также дух товарище-

---

Павловская Анна Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; annapavl@mail.ru

© Павловская А.В., 2025

ства, который объединял студентов Московского университета вне зависимости от их социального и материального положения.

Ключевые слова: Московский университет, студенчество, культура повседневности, традиции питания, М.В. Ломоносов, быт, казеннокоштные, своекоштные

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-10

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. От теории к практике студенческого быта в МГУ (XVIII–XIX вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 3. С. 164–184. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-10

Повседневная жизнь студенчества традиционно находится на периферии исследований университетской истории, однако именно бытовые аспекты формируют фундаментальные условия, определяющие не только качество жизни студентов, но и эффективность образовательного процесса. Московский университет за свою долгую историю создал уникальную среду, в которой бытовые условия — в частности, проблемы питания — сыграли существенную культуuroобразующую роль, отражая социальные и экономические реалии своего времени. Целью настоящей статьи является комплексное изучение вопросов организации и практик питания студенчества Московского университета с момента его основания в 1755 году и до середины XIX века. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, систематизировать и критически осмыслить исторические источники, такие как мемуары, дневники, письма и официальные документы, отражающие бытовые условия студенчества, включая вопросы питания; во-вторых, проследить, как менялись условия питания и быта казеннокоштных и своекоштных студентов на протяжении рассматриваемого периода; в-третьих, рассмотреть вклад М.В. Ломоносова в организацию системы питания и быта университетского студенчества, акцентируя внимание на социальном и культурном контексте его предложений; в-четвертых, оценить значение бытовых и гастрономических практик для формирования студенческого товарищества и социальной идентичности в студенческой среде. Таким образом, статья направлена не только на реконструкцию повседневной жизни студентов Московского университета, но и на понимание того,

как бытовые практики отражали и одновременно формировали культурные и социальные реалии России XVIII–XIX веков.

Основанию Московского университета предшествовала тщательная подготовка. Встречи, переговоры, прошения, поиск союзников, лавирование между недоброжелателями. Событие такого масштаба, еще и требующее участия правительства, не могло быть простым. Основание Московского университета можно назвать результатом счастливого стечения обстоятельств, которое свело в нужное время и в нужном месте трех абсолютно разных людей. Сочетание мудрости и решительности государыни Елизаветы, дщери Петра, просвещенности и осторожности графа Шувалова, гения и страсти ученого Ломоносова привело к открытию в 1755 г. первого российского университета. Впрочем, нет никаких сомнений, что его появление было закономерным итогом развития Российского государства и все равно бы состоялось: к середине XVIII века Россия университет выстрадала, его открытие было неизбежно. Однако для России было удачей, что университет был создан по проекту столь просвещенных и неординарных деятелей.

Споры о том, кто внес больший вклад в основание университета, ученый граф или ученый мужик, не утихают вот уже несколько столетий, склоняясь то в одну, то другую сторону, в зависимости от политической обстановки в России. Из письма М.В. Ломоносова И.И. Шувалову, написанного летом 1754 года, мы знаем, что вероятно изначально идея была предложена Ломоносовым: «к великой моей радости, я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества». В этом же письме он предложил краткий план («мое мнение») основания, призывал не торопиться, «чтобы после не переделывать» [Ломоносов, т. 10, 1957: 508]. Набросок Ломоносова был переработан и дополнен в окончательном Проекте об учреждении Московского университета, так что А.С. Пушкин был как всегда предельно точен, написав, что «Шувалов основал университет по предназначению Ломоносова» [Пушкин, 1949: 247].

Содержание проекта хорошо известно, в нем изложены основные положения, определившие в дальнейшем характер и суть российского университетского образования. Этапы большого пути первого университета России детально изучены. Одним из аспектов, обойденным вниманием исследователей, является бытовая сторона существования университета, в том числе связанная с проблемами питания. Вместе с тем она занимает важное место в университет-

ском мире, и не только естественное физиологическое, но имеет и большое культурообразующее значение. Достаточно вспомнить прекрасную традицию изготовления и раздачи медовухи, введенную ректором В.А. Садовничим, которая стала своего рода символом обновленного университета нового времени. Или образ вечно голодного студента, являющийся частью русской культуры XIX века. Можно проследить и некоторые общие тенденции, объединяющие различные эпохи, так же как и выявить различия, обусловленные историко-культурной ситуацией.

Существует довольно обширный пласт источников, позволяющих восстановить картину повседневной жизни московского студенчества, в том числе и ее гастрономическую составляющую. Среди них наибольшее значение имеют материалы личного характера — мемуары, воспоминания, дневники, переписка бывших учеников университета полнятся яркими, запоминающимися и порой весьма детальными зарисовками студенческого быта. Помимо этого, важная информация содержится в журнальных статьях, публицистике, источниках визуального характера (например, живописи), а также в государственных документах и статистических материалах. Все это позволяет с большой степенью достоверности представить особенности культуры повседневности студенчества, в том числе и в вопросах питания.

Уже в Проекте об учреждении Московского университета 1755 года довольно детально прописаны бытовые детали его существования. Конечно, он не затрагивает вопросов, непосредственно касающихся питания учащихся, но имеется указание на то, что Москва является оптимальным выбором для первого университета в числе прочего еще и потому, что в ней «содержание всякаго не стоит многого иждивения» и в ней «почти всякой... себя квартирую и пищею содержать может» [ПСЗ РИ, 1830].

Сохранились свидетельства того, что М.В. Ломоносов разработал оптимальный план питания для университетских учащихся. Воистину многоплановая личность, он не обошел своим вниманием и сей важнейший вопрос, ставший со временем весьма важным для студенчества, влиявшим и на жизнь, и учебный процесс, частенько являвшийся поводом для студенческих бунтов. Безусловно, именно Ломоносов прекрасно понимал всю важность организации правильного питания для студентов. Ни граф Шувалов, ни «Высокоповеренные Ея Императорского Величества Члены Правительствующего Сената», князья и графья, рассматривавшие и обсуждавшие проекты указов, не могли в должной степени оценить всю важность

проблемы, потому что не знали, что такое голод. А Михайло Васильевич знал.

К слову говоря, у нас сохранилось свидетельство и пищевых пристрастий графа Шувалова, во многом благодаря тому же Ломоносову. Илья Федорович Тимковский (1773–1853), юрист, профессор, государственный деятель и автор воспоминания, в юности был лично знаком с основателем Московского университета, не раз встречался, беседовал и обедал с ним. Он писал, что Иван Иванович «стол любил умеренный и яствы мягкие, что и по летам было. Я заметил, что ему нравился печеный картофель при ананасах на столе. Любил очень, говорят, и грибы, что напоминает письмо Ломоносова в стихах: спасибо за грибы, челом за ананас» [Тимковский, 1847: 1459].

Тимковский дает отсылку на шуточное стихотворение М.В. Ломоносова, посвященное Шувалову и написанное около 1753 года. Очевидно, что оно является откликом на посещение дома Шувалова и показывает двух великих людей своей эпохи с новой стороны, как двух приятелей, которые вместе обедали и шутили.

Спасибо за грибы, челом за ананас,
За вина сладкия; я рад, что не был квас.
Российско кушанье сразилось с Перуанским,
А если бы и квас влился в кишки с Шанпанским,
То сделался бы в них такой же разговор,
Какой меж стряпчими в суде бывает спор [Ломоносов, т. 8, 1959: 544].

В соответствии со вкусами своей эпохи и своего сословия стол Шувалова представлял собой смешение традиционной русской пищи (грибы, квас) и иностранных влияний (сладкие вина, шампанское), в том числе экзотические блюда («перуанский» ананас).

За два года до открытия университета Ломоносов, уже известный ученый, профессор и академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, в письме графу Шувалову (от 10 мая 1753 года) писал о том, что в юности «крайняя бедность, которую я для наук терпел добровольно, отвратить не умела». В юности, во время пребывания в «Спасских школах» (Славяно-греко-латинской академии), учиться было крайне трудно, так как были «отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели», главное среди них — «несказанная бедность» и голод, когда «имея один алтын..., нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу». Таково было питание Ломоносова во время его ученичества. Однако велико было стремление к знанию и Ломоносов

не без гордости («Не примите, ваше превосходительство, мне в самохвальство») сообщает: «Таким образом жил я пять лет и наук не оставил» [Ломоносов, т. 10, 1957: 479].

В документе, относящемся к 1761 году, Ломоносов составляет план оптимального питания для студентов¹. Из означенного набора блюд студентам в обед полагалось по пяти, а в ужин по три блюда. Первой в списке идет рыба, которую надо «варить и жарить», выбор впечатляет: осетрина, белужина, «треска сухая», лососина, «живая» (вероятно, то, что сейчас называется «улов дня»). Далее идет «хлебное», то есть каши, «грешневая», «пшеничная» (то есть пшенная), овсяная, а также пироги «с капустою с груздями с грешневою кашею и сметками». «Студеное», то есть холодные закуски, включают «вязигу, кисель овсяный с сытою, огурцы, студень, редьку, толокно, свеклу». Завершают список «похлебки», довольно разнообразные: «шти с соленою рыбою, с сушеными сметками, каша грешневая или овсяная с соленою рыбою, с потрохами, каша овсяная с сметками свежими или сухими, калья, селянка, горох, чечевица, грибовница, уха свежая, репница, лапша соковая, лапша гороховая, уха с клиотскими». В другом месте говорится о том, что студентов надо «довольствоваться... своим печеным хлебом и кислыми щами», особой разновидностью кваса [Ломоносов, т. 9, 1955: 572].

Небольшой комментарий к вышеуказанным блюдам. Снеток — мелкая озерная рыбка, продававшаяся сушеной и добавлявшаяся в первую очередь в похлебки, каши, начинку для пирогов для сытости («дешевая и питательная пища», как определяет ее Л.П. Сабанеев в своем знаменитом труде «Рыбы России»). Сушили как в соленом, так и в натуральном виде. Вязига — продукт из спинной струны (хорды) крупных осетровых рыб, была крайне популярна на Руси, считалась доступным деликатесом, в XIX веке в основном использовалась как начинка пирогов (В словаре В.И. Даля говорится, что используется «особо вареная в пироги»). В источниках упоминается с XVI века, в то время была и отдельным блюдом, например, встречается вязига под хреном, вязига в уксусе (см. Роспись куша-

---

¹ Научной справедливости ради отметим, что программа эта составлялась для Академического университета и гимназии, которые он фактически возглавлял, будучи руководителем учебной и научной части Канцелярии. Однако нет сомнения, что о такой же программе Ломоносов мечтал и для другого его любимого детища — Московского университета. Документ был ответом на жалобу студентов, что характерно, поданную лично на имя Ломоносова, хотя формально хозяйственными вопросами занималось лицо ниже его по положению: «академические студенты и гимназисты приносят жалобу словесно, что им приготавливается пища всегда одинакая, что-де им уже наскучило, и просили, чтоб им впредь приказано было приготавливать ествы разные».

нью боярина Морозова, Домострой). Кисель овсяный с сытою — древнейшее русское блюдо, упоминаемое еще в Повести временных лет под 997 годом. Кисель готовили густым, охлаждали и резали ножом, после чего поливали сытой — медом, разведенным водой. Калья, по определению Академического словаря 1792 года, наиболее близкого к описываемой эпохе, это «похлебка приготовленная изъ засольной икры съ огурцами» [Словарь АР, т. 3, 1792: 404]. В словаре В.И. Даля, составленном полстолетия спустя, значение расширяется: «род борща, похлебка на огуречном рассоле, с огурцами, со свеклой и с мясом, а в пост, с рыбой и икрой; похлебка из икры с солеными огурцами». Соковой лапши у Даля нет, зато встречается соковая каша, политая конопляным соком. Соком или иногда молоком называли то, что мы сейчас именуем маслом: миндальным, ореховым, маковым, конопляным и пр. Остальные похлебки понятны и носят название по своему главному ингредиенту.

Список этот естественным образом перекликается с основными принципами университетской системы, главным из которых был акцент на национальных началах. Европейские университеты признавали языком науки только латынь, а Московский университет с момента основания объявил возможность чтения лекций и на латинском, и на русском. Причем последний довольно скоро возобладал. Так и пища, предлагаемая студентам, традиционная русская, именно так питалось подавляющее большинство жителей нашей страны. Щи да каша и, конечно, хлеб были основой питания крестьянства, хотя и для многих помещиков эти блюда были самыми любимыми.

Заметны и личные предпочтения сына архангельского помора (Ломоносов себя помором не называл, но вся деревня занималась рыболовецким промыслом, а Двинский уезд Архангельской губернии был одним из поморских центров). В словаре В.И. Даля указывается, что название похлебки «репница» распространено в Архангельской области и даже приводится способ ее приготовления: «Вареную либо пареную репу разминают, мешают с солодом, иногда с толокном, наливают водой и ставят под крышкой на вольный дух». Ну и конечно впечатляет набор рыбы: в XVIII веке осетровые еще водились в Северной Двине, на берегах которой вырос будущий ученый, а лососевые и сегодня играют заметную роль в экономике региона. В другом месте упоминается «штокфиш» — сушеная треска, производимая исключительно поморами России и Норвегии.

Еще в одном сохранившемся документе, подписанном М.В. Ломоносовым, приводятся и мясные блюда, правда в праздничные дни:

«а в праздничные дни сверх того баранина или говядина, жаркое или окорок», в будние мясо было представлено солониной. И самое главное, Ломоносов прекрасно знал особенности российской системы снабжения, он подчеркивает, что «все помянутые припасы употреблять здоровые, а не затухлые, вонючие или гнилые» [Ломоносов, т. 9, 1955: 532–533].

Речь идет о питании тех студентов, которые получили наименование «казеннокоштных», то есть содержавшихся за казенный счет. Уже в изначальном Проекте об учреждении университета упоминается о «содержании студентов 20 человек записанных на жалование» для работы учителями в начальных классах университетской гимназии, таким образом решался вопрос и о помощи нуждающимся, и о кадрах для гимназии. Однако вскоре стало ясно, что для развития отечественного образования в России необходима более действенная помощь. В 1764 году члены Конференции Московского университета разработали детальное «Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и Гимназии в Москве». В нем указывалось на то, что «многим способным людям, учинившим в учении доброе начало, может тяжело быть продолжать оные на своем содержании» и в результате бедность может многих «принудить» бросить учебу и «избрать другой род жизни». В результате государство «лишилось бы многих полезных людей, которые дарования свои к общей пользе лучше употребить могли». Было заявлено, что способным («хорошим разумом»), но бедным ученикам необходимо назначить казенное содержание. Оговаривалось число таких учащихся по разным факультетам, примерно 150, а также необходимость обязать их проживать в стенах университета «под смотрением своих надзирателей», чтобы контролировать расход государственных средств [Мнение, 1875: 295]. Казеннокоштные студенты должны были после выпуска отработать 5–6 лет там, где была в них нужда, по своего рода обязательному «распределению».

Организовать такое сложное дело было непросто: нужны были не только средства, но и помещения, и люди. В 1781 году граф Шувалов, не оставлявший университет своими заботами, в то время его куратор, писал Екатерине II о том, что «ветхость и теснота дому не токмо не дозволяет умножить учеников, которые непрестанно сего требуют; но и находящиеся в тесных комнатах имеют классы своим жилищем и столовою» [Университет для России, 1997: 129]. То есть ученики спали, ели и учились в одних и тех же помещениях.

Сведений о том, как питались студенты в тот сложный период становления Московского университета у нас немного, но А.С. Пуш-

кин сохранил в своих «Застольных разговорах» исторический анекдот о поэте и переводчике Ермиле Ивановиче Кострове (1755–1796). Выходец из крестьянской семьи, Костров был одним из лучших студентов Московского университета, произведен в бакалавры и, по словам Пушкина, «от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем*». История рассказывает: «Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в эконома несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли бакалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. “Помилуй, Ермил Иванович, — сказал ему ректор, — ты-то как сюда попался?..” — “Из сострадания к человечеству”, — отвечал добрый Костров» [Пушкин, т. 8, 1978: 76].

Конечно, «казенное житье» пугало, особенно поначалу. Многие стеснялись, считали унижительным, отдавать свое дитя на казенное иждивение. Отец Александра Дмитриевича Боровкова (1788–1856) был состоятельный купец, мать — дворянка, дочь действительного тайного советника, члена Сената, московского вице-губернатора. К моменту поступления Александра в университет отец умер, и семья обеднела. Матери все советовали отдать сыновей на казенное содержание, но она не решалась, предпочитая распродавать последнее имущество. Не без юмора Боровков, ставший впоследствии известным государственным деятелем, членом Сената, одной из заметных фигур в Следственном комитете по делу декабристов, пишет о том, что мать его «страшилась строгости постороннего надзора и грубости казенного содержания; она знала, что там не дадут нам ни чаю, ни ватрушек; материнское сердце ее раздиралось от таких лишений» [Боровков, 1898: 559].

В университете же считали, что аскетизм и строгость содержания полезны для воспитания характера молодежи и для учения. Профессор Н.Н. Сандунов, одно время исполнявший обязанности инспектора казенных студентов (среди студентов он считался строгим, но справедливым), предупреждал поступившего в университет юношу: «Ты здесь должен забыть матушкины перинки, подушки, пирожки и лакомства, а сидеть и спать на жесткой подстилке, довольствуясь едой из общего котла. Не забывай старую русскую правдивую пословицу: “Сытое брюхо к учению глухо”» [Назимов, 1876: 129].

Мемуаристы XIX века дают довольно подробное описание своего быта вообще, и питания в частности, даже — в особенности;

вопрос этот был важнейшим для молодых растущих организмов. В целом «казенный» стол оценивался вполне положительно, хотя и без восторга. Михаил Леонтьевич Назимов (1806–1879), сын соляного пристава в Арзамасе, впоследствии советник правления Московского университета и московский врач, лечивший Н.В. Гоголя, был студентом в 1820-е годы. В своих мемуарах он подробно описывает студенческий быт: «В двенадцать с половиною часов был обед и в семь ужин. Тот и другой состоял из щей или супа, говядины с картофелем или огурцами и гречневой или пшенной каши; по праздникам подавались пироги и говядина заменялась телятиной. Черного хлеба можно было требовать сколько угодно, так что студенты в своих карманах приносили по несколько ломтей своим коридорным солдатам». Он старается быть объективным и не превозносить простую еду, которую давали в университете, хотя звучит ее описание вполне неплохо: «Но что сказать о кушанье? Без сомнения более бедные, которые может быть дома довольствовались часто и пустыми щами с черным хлебом, были довольны студенческим столом; но кто привык хотя не к роскошной, но порядочной, свежей, хорошо изготовленной пище, тот не скоро привыкал к новой университетской».

Десять лет спустя вспоминал свои счастливые «казеннокоштные» студенческие годы, пришедшиеся на 1830-е гг., профессор Московского университета, выдающийся русский филолог Федор Иванович Буслаев (1818–1897): «...мы были во всем обеспечены и, не заботясь ни о чем, без копейки в кармане, учились, читали и веселились вдоволь. Нашему довольству завидовали многие из своекоштных... Без нашего ведома нам менялось белье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недостающая пуговица на вицмундире... Мы вставляли в семь часов утра, в восемь пили в столовой чай с булками... Кормили нас недурно. Мы любили казенные щи и кашу, но говяжьи котлеты казались нам сомнительного достоинства, хотя и были приправлены бурой болтушкой с корицей, гвоздикой и лавровым листом» [Буслаев, 1989: 205]. Громкие имена бывших казеннокоштных студентов, прославивших впоследствии свою Alma mater, свидетельствуют от том, что государство не зря кормило неимущую талантливую молодежь, многие из них стали видными учеными и государственными деятелями и с благодарностью вспоминали свою «мать-кормилицу».

Раздавались и резко критические отзывы. Самое знаменитое принадлежит студенту Виссариону Григорьевичу Белинскому (1811–1848), учившемуся несколькими годами ранее оптимистич-

ного Федора Буслаева. В письме к своим родителям от 17 февраля 1831 года юный Белинский негодовал: «Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть. Я удивляюсь, каким образом мы уцелели от холеры, питаюсь пакостною падалью, стервятиной и супом с червями». «Неистовый Виссарион» не зря получил свое прозвище, с одинаковой страстностью он критиковал условия жизни в университете («Столики стоят в таком близком один от другого расстоянии, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столе своего соседа, а не только видеть, чем он занимается»), организацию учебы («Сидя часов пять сряду на лекциях, должно и остальное время вертеться на стуле. Бывало я и понятия не имел о боли в спине и пояснице, а теперь хожу весь как разломанный»), выдаваемую ему одежду («в форменной одежде, кроме аудитории, нигде нельзя показаться, ибо она в Москве в крайнем пренебрежении; а я... не имею необходимой для всякого молодого человека хорошей фракной или сюртучной пары»). С его выводом в этом случае можно вполне согласиться: «я вправе назвать себя несчастнейшим человеком» [Белинский, 1956: 50]. Увы, как мы знаем, его здоровье уже подтачивала серьезная болезнь.

Удивительным образом, именно Виссариону Григорьевичу мы обязаны и крайне подробным, и чрезвычайно хвалебным описанием казенного быта и питания. Всего за год до своего разоблачительного письма он отправил своим родителям совсем другое мнение (от 5 января 1830): «Теперь я опишу вам наше казенное житье-бытье. ... Всех казенных студентов 150 человек. В каждом номере находится от восьми до 12 студентов. У каждого студента своя кровать, свой стол и своя табуретка. Кровати все железные, очень аккуратно сделанные. Мягкие, довольно высокие тюфяки, подушки, простыня, желтое байковое одеяло, к которому пришита другая простыня, и полосатый чехол составляют постель. Наволоки, простыни и одеяла всегда бывают белы, как снег, и переменяются еженедельно. ...Номера наши, можно сказать, отлично хороши... Чистота и опрятность необыкновенные. Для каждого номера определен солдат, которой метет пол, прибирает постели и прислуживает студентам. По уставу вставать должно в 6 часов, Впрочем, спать можно и до 8 с половиною. В семь часов бывает завтрак, который состоит из булки и стакана молока. ... По будням обед бывает в 2, а по праздникам в 12. Стол по будням состоит из трех блюд: горячего, холодного и каши. Горячее бывает следующее: щи капустные, огуречные, суп картофельный, суп с перловыми крупами, лапша и борщ; всё это бывает попеременно. Из горячего говядина вынима-

ется и готовится на холодное или жаркое. Хлеб всегда бывает ситный и вкусный, и кушанья вообще приготовлены весьма хорошо. По воскресеньям и прочим праздникам, сверх обыкновенного, бывают пироги, жаркое и какое-нибудь пирожное. Столы всегда накрываются скатертями, и для всякого студента особенный прибор, состоящий, как обыкновенно бывает, из тарелки, покрытой сложенной салфеткою, серебряной ложки, ножа и вилки. ... Порядок в столовой чрезвычайно хорош. Увидя столы, накрытые снеговыми скатертями, на которых поставлены миски, блюда, карафины с квасом, приборы в величайшем порядке, можно подумать, что это приготовлен обед для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобного. Миски у нас оловянные на поддонниках, блюда такие же, тарелки каменные. Миски и блюда блестят, как серебряные. Такая чистота во всех отношениях наблюдается» [Белинский, 1956: 33–34].

Надо думать столько резко поменялся не университетский быт, а обстоятельства жизни самого Белинского, который попал в опалу, стал «неблагонадежным», подвергся критике со стороны университетского начальства за попытку напечатать разоблачающую крепостничество и господствовавший режим трагедию «Дмитрий Калинин», а чуть позднее еще и серьезно заболел.

О существовавшем недовольстве «казенным столом» свидетельствуют и периодические бунты, устраиваемые студентами. Об одном из них уже упоминалось в связи с поэтом Костровым, якобы кидавшемся пирогами. Рассказал о возмущении студентов и Михаил Назимов. Однажды «более бойкие» студенты «при худшей подготовке кушанья, взяв миску и блюда, отправились с жалобой к тогдашнему инспектору Сандунову, который задал им такую начальническую острastку, пригрозив исключением, что с тех пор эта история не повторялась». Уважавший Сандунова до крайности Назимов считал, что тот наверняка тайно от студентов «делал нагоняй тем, кто заведовал столом». Инспектор и сам нередко приходил в столовую, пробовал «кушанье и всегда его хвалил... говоря, что он сам в их года имел стол гораздо хуже» [Назимов, 1876: 135–136].

О случаях недовольства «котлетами», принимавших активные формы, писал и Федор Буслаев, отмечая, что зачинщиками всегда были медики: «Дело начиналось глухим шумом; дежурный субинспектор подходит и спрашивает, что там такое: ему жалуются на эконома, что он кормит нас падалью. Обвиняемый является на суд, и начинается расправа, которая обыкновенно ни к чему не приво-

дила». Буслаев отмечал, что эти истории запали ему в душу, так как ему и многим другим «они очень не нравились по грубости и цинизму» [Буслаев, 1989: 205].

Жизнь своекоштных студентов, проживавших самостоятельно, посещавших университет только для занятий, нередко была еще труднее. Как уже отмечалось, для многих родителей это был вопрос престижа, «казенная» жизнь для любимого дитятки казалась неприемлемой. Вместе с тем часто она оказывалась гораздо сложнее. Надо было найти приличную квартиру, обеспечить быт и питание. Далеко не все молодые люди, приехавшие из глубокой провинции и совершенно не приученные к самостоятельной жизни, могли справиться со сложной ситуацией. К тому же они часто были стеснены в средствах и не подготовлены к жизни в большом городе, со всеми его соблазнами. Именно эта категория студенчества чаще всего страдала от бытовых проблем и голода. Казеннокоштных, хорошо ли, плохо ли, но регулярно кормили.

Знаменитый врач и ученый Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) поступил в Московский университет уже достаточно взрослым, в возрасте 21 года, выйдя в отставку в чине подпоручика. Семья его не бедствовала, но он был младшим восьмым ребенком, отец его, дворянин и отставной военный, давно умер, деньгами распоряжалась мать, бывшая крепостная крестьянка, и средства были ограничены.

В своих автобиографических записках будущий ученый пишет о том, что приходилось сильно экономить. В Москве он находился со своим верным слугою, которого торжественно величает Феофаном Васильевичем: «Не знаю, как ухитрялся Феофан Васильевич — забота о прокормлении лежала на нем, — но еда нам обоим в течение месяца обходилась редко дороже 5 рублей. Возможно, что он питался на свои деньги или даже прикладывал их к моей пище, потому что отношения между нами были приятельские и он любил меня». Со скрупулезностью ученого, Сеченов фиксирует меню, соответствовавшее расходуемой сумме: «два раза в неделю щи с куском говядины, в прочие дни: 6 яиц всмятку, колбаса, гречневая каша с молоком, картофель с квасом и огурцами. Чая я пил только раз в две недели после бани, а утром съедал калач из муки 2-го сорта в 1 1/2 коп. Изредка лакомился яблоком боровинкой, и вкус к этому яблоку сохранился у меня доселе» [Сеченов, 1989: 283–284]. Впрочем, будущее светило науки нисколько не тяготилось скромными условиями проживания и скудной пищей, он увлеченно учился, был постоянно занят и вполне доволен жизнью.

Однако для многих самостоятельная жизнь, практически без средств к существованию, становилась суровым испытанием. Как, например, для известного экономиста, профессора Московского университета, Академика Петербургской АН, прославившегося в качестве одного из первых в России фабричных инспекторов, Ивана Ивановича Янжула (1846–1914). Восемнадцать лет от роду он потерял обоих родителей, не оставивших ему ничего, кроме сестер, о которых надо было заботиться. Он тем не менее продолжил учебу в Московском университете, распродавая «жалкое имущество». Нищета и голод обрушились на него после того, как его выселили из казенной квартиры, где проживала их семья. Так началась его самостоятельная жизнь в самом «худом смысле». Главный вопрос, по его признанию, мучивший его в тот период был «где и что поесть?». Подкармливался у друзей и в работном доме. Одно «невеселое» время питался исключительно «французскими хлебами», по той причине, что местный булочник выказывал сочувствие к его бедам.

В день ему удавалось тратить не более 3 копеек, на две он покупал у разносчика фунт печенки и на копейку черного хлеба. О чае пришлось забыть, что крайне огорчало голодавшего студента. Иногда отправлялся в так называемый «обжорный ряд», за две копейки покупал порцию щей, а за копейку отдельно кусочек мяса. Во время поста там же покупал так называемые «купоросные щи», причем, несмотря на сильный голод, есть их было противно. В словаре В. Даля говорится, что купоросными щами называют щи «пустые или постные, одна капуста». Печально знаменитый «обжорный ряд» примыкал к Охотному ряду и был его версией для бедных. По словам В. Гиляровского, «В обжорке съедались все те продукты, какие нельзя было продать в лавках и даже в палатках Охотного. Товар для бедноты — слегка протухший, «крысами траченный» [Гиляровский, 1961: 181]. Неудивительно, что бедный Янжул с отвращением вспоминал свой юношеский гастрономический опыт.

В своих мемуарах, не без горького юмора, ученый-экономист замечает, что был вынужден столкнуться в ранней юности с примитивными финансовыми операциями, о которых впоследствии рассказывал студентам на лекциях, — сдачей в заклад личных вещей и сокращением до минимума расходов, ограничивая потребление пищи. С таким же нищим приятелем как он сам, Янжул нередко утешался шутками на тему «известного афоризма», как он назвал цитату из Ломоносова, «Науки юношей питают, отраду старости дают...», вопрошая «Питают и дают!??» [Янжул, 1910: 8, 10–11].

Однако Янжул выдержал испытание голодом, справился с обрушившимися на него невзгодами, продолжил образование, обзавелся частными уроками и сделал блестящую карьеру. Подобно тому, как цитируемый Михайло Ломоносов гордился тем, что, преодолев голод и бытовые неурядицы, не отказался от изучения наук, так и многие другие голодавшие студенты последующих эпох не сдавались и продолжали успешно учиться.

Были в Московском университете и богатые, чей быт и стол заметно отличался от подавляющего большинства студентов. Их было не так много. Высшая аристократия считала университет учебным заведением для разночинцев и обедневшего дворянства, а потом еще и прибежищем вольнодумства, предпочитая посылать детей в Пажеский корпус, дворянские институты и военно-учебные заведения. Богатые купцы считали, и во многом справедливо, что высшее образование помешает их детям продолжать семейный бизнес. Однако бывали и исключения, к тому же ситуация менялась и престиж университетского образования возрастал с течением времени.

В университете, где царил дух равенства, заложенный еще Михайло Ломоносовым, ситуация для богатых отпрысков нередко была непростой. Очень ярко описывает свои переживания Лев Толстой в повести «Юность». Сам он учился в Казанском университете, его старший брат поступил в Московский, в повести представлен некий собирательный образ университетской жизни. Герой, Николай Иртеньев, чувствует себя неловко как среди прожигающих жизнь богачей, так и среди нищих студюзов. Пытаясь найти с последними общий язык, он ходит на их вечерние собрания, на которых студенты сообща готовятся к занятиям: «Маленькая комнатка была вся закурена... На столе стоял штоф водки, рюмка, хлеб, соль и кость баранины». «Вы, я думаю, к такому угощению не привыкли», — обратился к нему хозяин комнаты. «Стараясь не выказывать своего к ним презрения, я снял сюртук». Николенка, как и сам Лев Толстой, так и не нашел своего места в университетской среде.

Были и другие, как, например, знаменитый врач С.П. Боткин (1832–1889), выходец из богатейшей купеческой семьи, который ни в коей мере не стыдился своего положения, а использовал его ко всеобщему удовольствию. По субботам он устраивал во флигеле родительского особняка вечеринки, на который собирались студенты, общались, пели песни, начинали с сытного чаепития, затем готовили «в кастрюле очень вкусный глинтвейн, из красного вина с разными пряностями» [Белоголовый, 1989: 310]. Воспоминания об этих посиделках сохранили многие студенты.

Знаменитый русский правовед Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) был сыном богатого тамбовского помещика, принадлежащего к старинному дворянскому роду. Устраивать двух сыновей, поступавших в университет, приехало все семейство — мать с дочерьми, а потом и отец. Был снят дом, привезены слуги. После успешно сданных сыновьями экзаменов семья вернулась в поместье, но комфортные условия остались, просторная квартира на Тверской была удобным местом для сборищ. Веселая студенческая компания собиралась у братьев Чичериных почти ежевечерне. Повар Мокей готовил к их приходу вкуснейшие пирожки, большое блюдо которых «немедленно пожиралось со свойственным молодости аппетитом». Время пролетало незаметно; «пили чай, пели, хохотали, слагали разные университетские песенки». Иногда ужинали. Как-то на масленицу устроили пир с блинами, веселились до глубокой ночи. Чичерин уверяет, что все это нисколько не мешало учебе, зато создавало атмосферу незабываемого университетского товарищества, память о котором суровый юрист пронес сквозь года [Чичерин, 1989: 405].

Были и те, кто чуждался студенческой компании, вел светскую жизнь и презирал тех, кто был ниже по происхождению и достатку. Но таких были единицы. Все мемуаристы дружно воспевали дух студенческого равенства, который царил в стенах Московского университета. Свидетельство Александра Ивановича Герцена (1812–1870), критически настроенного ко всему, что окружало его на оставленной им родине, именно потому и особо ценно: «Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах; об английских университетах я не говорю: они существуют исключительно для аристократии и для богатых. Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей *белой костью* или богатством, был бы отлучен от “воды и огня”, замучен товарищами» [Герцен, 1969: 102–103].

Петр Наркизович Обнинский (1837–1904), юрист и общественный деятель, сам родом из далеко не бедной помещицкой семьи обрусевших шляхтичей, писал об удивительной атмосфере Московского университета, уравнивавшей всех и вся перед алтарем знания, заставлявшей «товарищей-аристократов краснеть за свои роскошные палаты, за свои веселые ночи, за свою глупую болтовню и убогие интересы. В этом оздоровительном всесословном общении исчезали кастовые инстинкты, оживлялись умы потомков захудалых дворянских родов, росло и крепло альтруистическое чувство. Князья и графы щеголяли своими “карнаухими” трехуголками

и протертыми на локтях сюртуками, пили вместе с дьяконскими сыновьями жиденький “кружковой чай”, зачитывались и заговаривались до бела-света» [Обнинский, 1899: 34].

Забавный, но весьма показательный эпизод студенческой жизни приводит Борис Чичерин. Лекции иногда длились по 5 часов подряд и, для утоления голода, группа из нескольких человек договаривалась бегать по очереди в кондитерскую за пирожками. Немедленно прошел слух, что появился «аристократический кружок, держащий себя особняком». Осуждение было всеобщим. Профессор Т.Н. Грановский, научный руководитель и кумир Чичерина, даже вызвал учеников и сделал им соответствующее замечание о недопустимости подобного поведения в стенах московского университета. Автор мемуаров вину отрицал и записал, что «мы скоро перезнакомились со всем курсом и до конца были со всеми в добрых, товарищеских отношениях» [Чичерин, 1989: 393].

В 1858 году казеннокоштные студенты лишились полного содержания, вместо которого стали получать некую сумму в виде стипендии. Именно с этого времени голод становится неотъемлемой частью большинства студентов, а образ «голодного студента» прочно обосновывается в картине русского мира.

И все-таки ни голод, ни изобилие не могли вытеснить главную составляющую университетского бытия — приобщение к таинству научного знания; и главную радость студенческой жизни — дружеское общение. Молодость довольствовалась малым, пища духовная значила гораздо больше, чем земная. А товарищеские отношения скрашивали жизнь. Не случайно большинство мемуаристов, сделав карьеру, добившись выдающихся результатов в жизни, прославившись в разных областях науки, образования и государственной деятельности, со светлой тоской вспоминало незабываемые годы, проведенные в Московском университете. Из многочисленных ностальгических описаний возьмем лишь одно — Александра Боровкова о «золотом времени», студенческих годах, тем более, что оно содержит и гастрономическую нотку: «Живо и теперь еще представляется в воображении моем, так называемые тогда нами, пирования, когда мы, сделав складчину по 10 и не более 20 копеек медью с брата, отправлялись на Воробьевы горы, Марьину рощу или в Сокольники гулять. Захватив с собою московских калачей или саек и прибавив к тому яблок и орехов, мы отправлялись пешком в путь. Погулявши, побегавши, порезвившись — мы заходили в какую-нибудь деревню и там, купив крынку молока, разделяли с особенным аппетитом роскошную нашу трапезу. Зимой же по вечерам... собирались к ко-

му-либо из товарищей, и тут-то за чашками простого чая с булками начнется ученая беседа, между коей рассказываются любопытные анекдоты и льются рекою острые слова» [Боровков, 1898: 564].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. М.: АН СССР. Т. 11, 1956.
2. *Белоголовый Н.А.* Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.
3. *Боровков А.Д.* Автобиографические записки. Русская старина. Том ХСV. 1898. Выпуски 7–9.
4. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.
5. *Герцен А.И.* Былое и думы. Части 1–5. М.: Художественная литература, 1969.
6. *Гиляровский В.* Избранное в 3 томах. Т. 3. М., 1961. С. 181.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1880.
8. Домострой. СПб., Наука, 2007.
9. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., Л.: АН СССР. Т. 8, 1959.
10. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., Л.: АН СССР. Т. 9, 1955.
11. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М., Л.: АН СССР. Т. 10, 1957.
12. Мнение об учреждении и содержании Императорского университета и Гимназии в Москве. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1875. Апрель-Июнь. Книга вторая.
13. *Назимов М.Л.* В провинции и Москве с 1812 по 1828 г.: Из воспоминаний старожила // Русский вестник. 1876. Т. 124. № 7.
14. *Обнинский П.Н.* Студенческие годы. Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. 14. № 10346.
16. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Т. 8., 1978.
17. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. М.-Л.: АН СССР. Т. 11, 1949.
18. Росписи кушанью боярина Бориса Ивановича Морозова // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 6. М., 1850.
19. *Сеченов И.М.* В Московской университете (1850–1856 гг.). Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.
20. Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Т. 3.
21. *Тимковский И.Ф.* Записки Ильи Федоровича Тимковского. Мое определение в службу. Сказание в трех частях // Русский архив, издаваемый Петром Бартечевым. 1874. Тетрадь шестая. Стб. 1459.

22. Университет для России. Под ред. Пономаревой В.В., Хорошиловой Л.Б. М., 1997.

23. Чичерин Б.Н. Студенческие годы. Москва 1840-х. Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: МГУ, 1989.

24. Янжул И.И. Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 г.г. Выпуск первый. СПб. 1910.

Anna V. Pavlovskaya

FROM THEORY TO PRACTICE OF STUDENTS' EVERYDAY LIFE AT MOSCOW STATE UNIVERSITY (18th–19th CENTURIES)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annapavl@mail.ru

Abstract. The history of Moscow University has been studied in detail and comprehensively enough for 270 years of its existence. One of the aspects neglected by researchers is the everyday side of the university existence, including that related to the problems of nutrition. At the same time, it occupies an important place in the university world, and not only naturally physiological, but also has a great culture-forming significance. Suffice it to recall the beautiful tradition of making and distributing mead, which became a kind of symbol of the renewed university of the new time. Or the image of the eternally hungry student, which is an integral part of the Russian culture of the 19th century. There are numerous sources, the most important of which, perhaps, are memoirs and recollections of former students of the university, which give a rather vivid and diverse picture of the daily life and everyday life of Moscow students, and both the general tendencies uniting different epochs and the differences caused by the course of history can be traced quite clearly. They allow us to outline with a high degree of reliability the peculiarities of the culture of everyday life of students, including in matters of food. The article discusses M.V. Lomonosov's proposals on the organisation of students' meals, the peculiarities of the daily life of the state-paid students who were on full state support until the middle of the 19th century, the problems of the self-paid students who lived and provided themselves with food on their own, and the spirit of camaraderie, which was the main feature of the everyday life of students.

Keywords: Moscow University, students, culture, food traditions, M.V. Lomonosov, everyday life

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Pavlovskaya A.V. (2025) From theory to practice of students' everyday life at Moscow State University (18th–19th centuries). *Lomonosov Lin-*

About the author: Anna V. Pavlovskaya — Dr. Habil. in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; annapavl@mail.ru

REFERENCES

1. Belinskij V.G. 1956. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M.: AN SSSR, vol. 11. (In Russ.)
2. Belogolovij N.A. 1989. *Iz moih vospominanij o Sergeje Petroviche Botkine. Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [From My Memoirs of Sergei Petrovich Botkin. Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
3. Borovkov A.D. 1898. *Avtobiograficheskie zapiski. Russkaja starina* [Autobiographical Notes. Russian Antiquity], vol. XCV, no. 7–9. (In Russ.)
4. Buslaev F.I. 1989. *Moi vospominanija. Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [My Memoirs. Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
5. Gercen A.I. 1969. *Byloe i dumy. Chasti 1–5* [My Past and Thoughts. Parts 1–5]. M.: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.)
6. Giljarovskij V. 1961. *Izbrannoe v 3-h tomah* [Selected Works in 3 Volumes]. Vol. 3. M. (In Russ.)
7. Daľ V.I. 1880. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. SPb., M. (In Russ.)
8. *Domostroj* [Household Orde]. 2007. SPb., Nauka. (In Russ.)
9. Lomonosov M.V. 1959. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M., L.: AN SSSR, vol. 8. (In Russ.)
10. Lomonosov M.V. 1955. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M., L.: AN SSSR, vol. 9. (In Russ.)
11. Lomonosov M.V. 1957. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M., L.: AN SSSR, vol. 10. (In Russ.)
12. *Mnenie ob uchrezhdenii i sodержanii Imperatorskogo universiteta i Gimnazii v Moskve. Chtenija v Imperatorskom Obshhestve Istorii i Drevnostej Rossijskikh pri Moskovskom Universitete* [Opinion on the Establishment and Maintenance of the Imperial University and Gymnasium in Moscow. Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. 1875. Aprel'-Ijun'. Kniga vtoraja. (In Russ.)
13. Nazimov M.L. 1876. V provincii i Moskve s 1812 po 1828 g.: *Iz vospominanij starozhila* [In the Provinces and Moscow from 1812 to 1828: From the Memoirs of an Old-Timer]. *Russkij vestnik*, vol. 124, no. 7. (In Russ.)
14. Obninskij P.N. 1899. *Studencheskie gody. Vospominanija o studencheskoj zhizni* [Student Years. Memoirs of Student Life]. M. (In Russ.)
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. 1830. SPb., vol. 14, no. 10346. (In Russ.)
16. Pushkin A.S. 1949. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Collected Works]. M.-L.: AN SSSR, vol. 11. (In Russ.)

17. Pushkin A.S. 1978. *Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t.* [Complete Collected Works: In 10 Volumes]. L.: Nauka, vol. 8. (In Russ.)
18. Rospisi kushan'ju bojarina Borisa Ivanovicha Morozova [Lists of Dishes for Boyar Boris Ivanovich Morozov]. 1850. *Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostej rossijskih* [Vremennik of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Book 6. M. (In Russ.)
19. Sechenov I.M. 1989. *V Moskovskoj universitete (1850–1856 gg.) Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [At Moscow University (1850–1856). Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
20. *Slovar' Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian Academy]. 1792. SPb, vol. 3. (In Russ.)
21. Timkovskij I.F. 1874. *Zapiski Il'i Fedorovicha Timkovskogo. Moe opredelenie v sluzhbu. Skazanie v treh chastjah* [Notes of Ilya Fedorovich Timkovsky. My Appointment to Service. A Tale in Three Parts]. *Russkij arhiv, izdavaemyj Petrom Bartenevym. Tetrad' shestaja* [Russian Archive, published by Pyotr Bartenev. Notebook Six]. Stb. 1459. (In Russ.)
22. *Universitet dlja Rossii* [University for Russia]. 1997. In Ponomarevoj V.V., Horoshilovoj L.B. (ed.). M. (In Russ.)
23. Chicherin B.N. 1989. *Studencheskie gody. Moskva 1840-h. Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov (1755–1917)* [Student Years. Moscow in the 1840s. Moscow University in the Memoirs of Contemporaries (1755–1917)]. M.: MGU. (In Russ.)
24. Janzhul I.I. 1910. *Vospominanija I.I. Janzhula o perezhitom i videnom v 1864–1909 g.g. Vypusk pervyj* [Memoirs of I.I. Yanzhul about Experiences and Observations in 1864–1909. First Issue]. SPb. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.04.2025;
одобрена после рецензирования 09.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 09.04.2025;
approved after reviewing 09.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025